





Сергей САМАРОВ

ОДИН ШАНС ЕСТЬ



Москва 2017

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
С17

Самаров, Сергей Васильевич.

С17 Один шанс есть / Сергей Самаров. —
Москва : Эксмо, 2017. — 352 с.— (Спецназ
ГРУ. Ударная группа).

ISBN 978-5-699-98848-8

Подполковник спецназа ГРУ Виктор Евсеев никогда не говорит — «шансов нет». Когда он узнал, что его бывшего сослуживца чеченские боевики захватили в плен и требуют за него немыслимую сумму, он сказал себе: «Один шанс есть». И решил достать деньги, причем у самих чеченцев. Такая возможность вскоре представилась. Два чеченских бизнесмена наняли Евсеева, чтобы он добыл ценную информацию, касающуюся нефтяного месторождения. Подполковник уверен, что после того, как информация окажется у чеченцев, он будет убит. И значит, ему надо сыграть на опережение...

**УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44**

© Самаров С. В., 2017
© Оформление. ООО
«Издательство «Эксмо»,
2017

ISBN 978-5-699-98848-8

ПРОЛОГ

Полковник Романков, командир отдельной бригады спецназа ГРУ, дислоцированной в большом и промышленно развитом районном центре, только-только въехал во двор и проехал мимо своего подъезда, чтобы поставить машину в металлический гараж, расположенный в целом ряду точно таких же гаражей, отделяющих двор от обширного пустыря, расположенного здесь же, сразу за общеобразовательной школой, когда в чехле на поясе подал голос мобильник. Романков, в соответствии со своей привычкой быть во всем вдумчивым и основательным, не поторопился ответить, а сначала вынул, чтобы остановиться перед воротами гаража, и только после этого достал трубку. Номер вызывающего оказался незнакомым. На вызовы незнакомых номеров полковник отвечать не любил. Родители многих солдат непонятно каким образом находят номер мобильного полковника и частенько «достаю» его, не понимая, что командиру бригады и не положено по должности знать всех солдат. У него и других забот хватает.

Тем не менее ответил:

— Слушаю, полковник Романков...

— Здравствуйте, Юрий Сергеевич. Генерал Лобанов беспокоит.

Генерал Лобанов, начальник областного управления внутренних дел, не входил в число друзей полковника, хотя они и были знакомы, и непонятно даже то, как у генерала оказался номер Романкова. Более того, областное управление располагалось, как ему и положено, в областном центре, и ехать туда — сотня километров в один конец.

Звонок казался непонятным и, как полковнику подумалось, хороших вестей не нес.

— Слушаю вас, товарищ генерал.

— Вы сейчас говорить можете? Не за рулем?

Ментовский вопрос. Менты не любят, когда кто-то за рулем разговаривает.

— Да, я слушаю. Я как раз у гаража остановился.

— Дело у меня к вам необычное... Хотел бы я по просьбе нашего начальника уголовного розыска попросить у вас напрокат того лейтенанта, с которым мы уже однажды встречались при чрезвычайных, если помните, обстоятельствах... Понимаете, о ком я говорю?

Романков выдержал долгую паузу.

— О ком говорите, понимаю. Лейтенант Велесов, надо полагать.

— Он самый... Он самый...

— Но я не совсем понимаю, товарищ генерал, что такое «напрокат».

Генерал, кажется, ожидал именно такого непонимания и подготовился к ответу.

— Грубо говоря, не можете ли вы откомандировать к нам на некоторое время молодого человека,

поскольку мы всерьез нуждаемся в его помощи? У нас такого в наличии, к сожалению, нет. А нам срочно необходим посторонний человек, которого не знают в определенных кругах. Внешне похожий на Велесова. Очень серьезное дело. Можно сказать, почти государственной важности.

Словосочетания «почти государственной важности» полковник, привыкший к точности военных формулировок, тоже не смог понять. Если государственной важности, то — государственной, если не государственной — нет, и третьего не дано. Это «почти» то же самое, что «чуть-чуть беременная». Но поправлять генерала, пусть и чужого ведомства, полковник не стал.

— Признаться, товарищ генерал, вы поставили меня своей просьбой в тупик. Этот лейтенант — командир взвода. Откомандировать его в ваше распоряжение... Я даже не знаю, честно говоря, имею ли я на это право. Во-первых, необходимо и его личное согласие, поскольку подобная командировка передает его в иное ведомство, к исполнению, как я понимаю, несвойственных ему лично функций. Во-вторых, я не могу распоряжаться судьбой офицера, не поставив в известность свое командование и не получив на то официального приказа. Это же не в клуб на выступление отправить. У вас тоже работа связана с риском. А случись что? Что я должен буду говорить, как оправдываться?..

— Я понял вас, Юрий Сергеевич. И предвидел это. Мой звонок, так сказать, предварительный. Долг вежливости. Не хотелось через вашу голову обращаться к вашему командованию. Хотя я планировал

с вашим командованием связаться как раз по причине важности дела. Но, разумеется, чтобы вы были в курсе и не возражали. Это в первооснове...

— Теперь я в курсе, — более чем холодно ответил полковник. — Но в первооснове должно быть согласие самого лейтенанта...

— Может быть, вы поговорите с ним? Нам же с вами дружить не просто положено — нам выгодно дружить.

Включился, как полковник понял, «доильный аппарат»... Прозвучал откровенный намек на то, что, если полковник с генералом не договорятся, их дружба может не состояться. А иногда приходится и обращаться к местным ментам, чтобы замять какое-то дело, где бывают замешаны военнослужащие бригады. Недавно только был случай, когда на базаре офицер избил четверых обнаглевших торговцев с Кавказа. Тогда пришлось обращаться, и понимание, после того как были пройдены естественные «купленные» инстанции на нижнем уровне, было найдено. Должно быть, генерал намекал именно на это.

— Добро, товарищ генерал. Я не берусь гарантировать реакцию лейтенанта Велесова, но я попрошу его от лица командования. Думаю, мы сможем договориться, но при обязательном условии — чтобы инициатива шла от моего начальства. Со своей стороны отсутствие препон гарантирую. И даже готов оказать содействие. Чтобы дружба состоялась...

— Вот и хорошо, Юрий Сергеевич. Я вам позвоню на днях. Может быть, уже завтра...

— Хорошо... Номер вы знаете.

* * *

Полковник поставил машину в гараж, тряпкой вытер матерное слово, нацарапанное на одной из створок ворот кирпичом — недоучившиеся дети таким образом в который раз грамотность проявляют, — ворота закрыл на привычные два замка — внутренний и висячий — и пошел домой. Полковник временно жил один — жена в гости к своим престарелым родителям поехала, чтобы о них, сильно болеющих, хотя бы временную заботу проявить, и на два месяца уже застряла. Сыновья учились в разных городах, в разного профиля училищах, и никто, кроме удивительно лохматого и коротколапого и оттого похожего на гусеницу кота Князя Мышкина, встретить полковника не вышел. Но кот этот был в бригаде спецназа знаменитостью, потому что не однажды даже прыгал вместе со своим хозяином с парашютом, и его фотографии в качестве талисмана вывешивали в каждой казарме.

Не проходя в квартиру, потому что телефонные аппараты — и городской, и внутренний, и даже аппарат прямой связи с ГРУ — стояли в прихожей, полковник только погладил Князя Мышкина, запрыгнувшего на тумбочку, и сразу позвонил по прямому телефону дежурному по бригаде.

— Меня тут недавно разыскивали...

— Так точно, товарищ полковник, — ответил дежурный капитан, отчего-то кашляя, словно поперхнулся словами. — Звонил генерал Лобанов.

— Это ты дал ему номер мобильного?

— Так точно, товарищ полковник. Я подумал...



— Прокашляйся. Потом найди мне лейтенанта Велесова. Пусть домой ко мне приезжает. Если адрес не знает, подскажи. Можешь дежурную машину за ним послать. Да, пошли, так быстрее, пожалуй, будет. Как его зовут? Не помнишь?

— Кого, товарищ полковник. Велесова?

— Велесова, не машину же.

— Саня... Александр, то есть.

— А отчество у него есть?

— Наверное, есть. Я узнаю, товарищ полковник, и доложу.

* * *

Лейтенант Велесов появился на квартире у командира бригады через полчаса, уже после того как дежурный капитан позвонил и сообщил, что Велесова зовут Александр Александрович. Полковник даже удивился такому сообщению, потому что сочетание имени и отчества часто используется сослуживцами при общении между собой. А тут не знает капитан, что Велесова зовут Сан Саныч. Должно быть, из-за юной внешности лейтенанта никто никогда не спрашивал у него отчества. Он гораздо моложе своих лет смотрится.

Полковник сам открыл дверь.

— Заходи, лейтенант Сан Саныч. Заходи...

Форма обращения уже говорила, что у полковника сегодня неплохое настроение и позвали лейтенанта не для того, чтобы дать разгон за какую-то неизвестную пока провинность. Но в армии провинности всегда и у всех найдутся, и начальству искать их с собаками не надо.

Сан Саныч, не знающий, чего ожидать от неурочного вызова, от такого простецкого обращения даже покраснел, что и попытался сразу скрыть, наклонившись, чтобы погладить приветливого и общительного Князя Мышкина.

Лейтенант Велесов фигурой и внешностью никого поразить не мог. Роста среднего, если не сказать — ниже. И в плечах не слишком широк. Правда, худощавый, жилистый, жесткий, что говорит о хорошей спортивной форме. Но лицо имел румяное, как и положено лейтенанту, и даже более наивное, чем может себе позволить современный офицер спецназа ГРУ. Полковник давно заметил, что почему-то в последнее время стало модным считать, будто офицер спецназа ГРУ обязан иметь суровое волевое лицо. И парни из училища приходили в бригаду все как на подбор именно с такими, словно штампованными, рублеными лицами и малоподвижными взглядами. Велесов — приятное исключение. Он больше на роль разведчика пригоден, даже разведчика армейского, которого тоже не всегда должны при первой встрече по лицу вычислять.

От лейтенанта пахло не обычным одеколоном, свойственным армии, а какой-то хорошей туалетной водой, и это понравилось полковнику.

— Проходи, проходи, не стесняйся...

Лейтенант разулся и прошел в большую комнату, где полковник показал на кресло — там присесть можно. Сам он садиться не стал и прохаживался перед столом, легко шлепая тапочками по цветному рельефному линолеуму.

— Ты генерала Лобанова знаешь? — спросил, начиная беседу.

— Никак нет, товарищ полковник.

— Начальник областного УВД.

— А-а... Помню. Это он мне часы вручал. Помню, товарищ полковник. Я просто фамилию не знал. Какое-то продолжение того инцидента? — поторопился Велесов выяснить причину непонятого вопроса.

— Не знаю... Короче, позвонил мне недавно этот генерал Лобанов и попросил на время откомандировать тебя к ним. В уголовный розыск.

Велесов даже улыбнулся.

— Я же не сыщик, товарищ генерал... Там иные навыки нужны.

— Сыщиков у них хватает... А вот тебя, именно тебя, у них нет. И такого, как ты, тоже нет.

— Что у них, товарищ полковник, никто драться не умеет?

— Я не знаю, в чем суть. У них там свои секреты, и мне их не открывают. Но просят именно тебя. По какой причине такой персональный заказ, предположить не могу. Помочь хочется, чтобы и они нам иногда помогали, но и приказать тебе права не имею. Вообще права не имею отпустить, если сверху не прикажут. Но если прикажут сверху, я смогу тебе предложить... Понял?

— Понял, товарищ полковник.

— Чем-то ты им сильно понравился... Но решать будешь сам. С женой посоветуйся... Наверняка дело опасное. Иначе могли бы без нас и конкретно без тебя обойтись. Вот, в принципе, все, что я тебе сказать хотел... Водочки не желаешь?

— Никак нет, товарищ полковник. Я за рулем не потребляю.

— На своей машине приехал?

— На своей.

— Я же приказал послать дежурную.

— Я больше сам рулить люблю. В любой ситуации.

— Одобряю... Кофе?

— Если не трудно...

Полковник, как гостеприимный хозяин, пошел на кухню...

* * *

Этот случай, про который вспоминали генерал Лобанов и полковник Романков, для самого лейтенанта Велесова тоже не остался проходным моментом в биографии. Он в конце весны — четыре с половиной месяца назад — только что вернулся из первой своей командировки в Чечню, то есть вообще из первой боевой командировки. И жил еще острыми ощущениями той особой боевой действительности, в которой приходилось там работать большей частью только офицерам спецназа ГРУ, поскольку ни одно другое подразделение армии или внутренних войск, включая спецназ внутренних войск, сравниться в качестве подготовки со спецназом ГРУ не могло и никому другому не поручались задачи настолько сложные.

Получил документы на отпуск. Собрались поехать с женой отдыхать. Естественно, на машине, потому что лейтенант Велесов за рулем, как сам говорил, чувствовал себя лучше, чем где бы то ни было. Но

«боевые» выплаты, как обычно, задерживали. Однако кое-какие сбережения в долларах у лейтенанта все же были. И уже в областном центре они с женой хотели обменять доллары на рубли. Заехали в Сбербанк, выбрав заведение на окраине города, где народу, естественно, должно было быть меньше. Жена ушла, а Сан Саныч остался дожидаться ее в машине, поставленной через дорогу и чуть в стороне — там, где припарковаться можно было свободно.

На долгий путь припасли с собой продукты, чтобы не питаться в придорожных забегаловках, называемых кафе, в которых кормят, как оба знали по опыту, изысканной отравой. А тут рядом с машиной собака остановилась. Обыкновенная уличная, облезлая, с выпуклыми от голода ребрами, тощими высосанными щенками сосками и разнесчастными лунными глазами. Эти глаза и отвлекли лейтенанта Велесова. Он вытащил из дорожной сумки кусок колбасы, отрезал сначала небольшой кусочек и бросил собаке. Та проглотила, не жуя, не почувствовав вкуса. Видимо, давно бедной животине ничего не перепало. И опять смотрела теми же разнесчастными глазами на лейтенанта, вселившего в нее своим поступком надежду на возможное спасение. Он бросил кусочек побольше, потом другой и третий. И таким образом скормил собаке всю колбасу. Собака и отвлекла внимание лейтенанта настолько, что он не обратил внимания на машину, остановившуюся около входа в Сбербанк, и на людей, торопливо вошедших в тяжелые металлические двери. Но выстрелы лейтенант легко отличал от любых других резких звуков и даже от стрельбы выхлопных труб проезжающих мимо автомобилей,

которые невоенный человек вполне может принять за выстрелы. Стреляли явно в помещении. И лейтенант, даже имея небогатый боевой опыт, сразу понял, где стреляют...

Там, в Сбербанке, за закрывшимися уже дверями находилась в это время его жена. Мысль, конечно, была одна — спасти ее. Но лейтенант не был настолько безрассуден, чтобы сразу броситься ей на помощь, понимая, к чему может привести лобовая попытка. Он был без оружия. И догадался без труда, что сейчас, начав колотить в дверь, он ничего не добьется. Но в голове сразу проскользнуло несколько вариантов. Наиболее приемлемым показался тот, при котором грабители покидают банк, садятся в машину, и в это время он таранит их своим автомобилем. Лейтенант даже сцепление отжал, чтобы повернуть ключ зажигания, но в это время с включенными сиренами подъехали с двух противоположных сторон сразу два милицейских автомобиля. В банке разбили стекло и дважды выстрелили из пистолета, потом из-за металлической решетки раздалась автоматная очередь. Короткая, профессиональная. Но и пистолетные выстрелы, и автоматная очередь были торопливыми — скорее пугающими. Стреляли явно не на поражение. Но менты среагировали правильно и попрятались за машины, выставив поверх капотов подготовленное оружие, но сами в ответ не стреляли, боясь попасть в тех, кто оказался у налетчиков в заложниках.

Стоящие рядом с банком машины торопливо отъезжали. Осталась только одна, очевидно, та самая, на которой бандиты подъехали. И через дорогу дру-